

**Сергей
Александрович
СПОЛОХ**

Станица Гундоровская Донецкого округа Области войска Донского, на месте которой возник город Донецк Ростовской области, имеет самые разные страницы своей истории, в том числе и те, о которых в советское время не очень любили вспоминать. К примеру, период после окончания Гражданской войны в 1920 году, когда казацкие селения разделились на приверженцев красной и белой сторон и тёплые чувства они друг к другу не испытывали.

Уроженцы станицы, вступившие в белоказачьи части, в основном в Донской Гундоровский георгиевский полк, были эвакуированы из Крыма и ступили на тяжкий путь изгнанников. Они сначала вместе со всем личным составом полка побывали в Турции, затем – в Греции, а в конце мая 1921 года оказались в третьей по счёту стране – Болгарии. Конечно, казачьим душам ближе всего был уклад жизни в славянской стране, и они восприняли переезд в неё как знак свыше, как предвестие скорого возвращения на берега Дона и Северского Донца.

О том, как складывалась жизнь гундоровцев в Болгарии, как они добывали себе хлеб насущный, сохраняли свою воинскую организацию и тосковали о покинутой Родине, рассказывается в произведениях нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Гундоровские казаки в Болгарии, в стране славянской, но не родной

Пароход «Решид-паша» достаточно быстро доставил Донской Гундоровский георгиевский полк вместе с казаками других частей в болгарский порт Бургас. Во время прибытия на пристань представителей городских властей полковой хор спел болгарский гимн, что было очень хорошо воспринято встречающими. Не зря музыканты два дня репетировали! Генерального штаба подполковник болгарской армии Радан Петров произнёс слова приветствия. Местные жители доставили в порт хлеб и сыр и стали раздавать их прибывшим казакам. После опустыленного лемносского пайка это было величайшее удовольствие для каждого, и через пять минут ни у кого и крошки не осталось. Вот она, первая радость на болгарской земле!

Выгрузившиеся с парохода казаки разных возрастов, воодушевлённые таким торжественным приёмом, радостно смеялись:

- Хорошо начинают. Нигде так не было. В Турции прямо с кораблей в скотские вагоны запахали и повезли к турецкому чёрту на кулички.

- На Лемносе три дня не давали сходить на берег и всё вербовали на отправку в Совдепию, а здесь с музыкой, с речами, с пожеланиями, да ещё и хлебом с сыром угостили! Вот это славянская сторона!

Сразу же на пристани казаки увидели французов, что вчерашних узников греческого острова Лемнос совсем не обрадовало. Они-то знали, что Болгария выступила в Первой мировой войне на стороне кайзеровской Германии. Болгарские офицеры тут же пояснили, что французские военные как представители победившей стороны есть и у них. Именно по распоряжению французского командования в 1921 году болгары затопили в Чёрном море 371 вагон со снарядами, собрали контрибуцию в сумме 4 миллиардов левов золотом, сократили свою армию, заменяя дивизии полками, а полки – дружинами.

Конечно же, у казачьих офицеров и встретивших их болгар сразу появилась одна горячо обсуждаемая общая тема для разговоров, ведь их чувства и помыслы оказались так схожи. И те, и другие свою борьбу проиграли, только в том и разница, что во время Первой мировой войны они находились в положении противников, но заклятыми

Русские эмигранты на дорожных работах в Болгарии. 1921 год.

врагами друг друга они не считали. Славяне они и есть славяне!

Город Бургас казакам понравился. Чистенький, небольшой, с двухэтажными кирпичными домиками, крытыми красными черепичными крышами. К тому же по архитектуре болгарские домики с затейливыми навесами, балконами, высокими въездными воротами были очень похожи на курени у Дона и Северского Донца, по которым так истосковались казачьи сердца.

В соглашении командования русских войск с болгарским правительством были оговорены все вопросы переброски войск от портов к местам их последующего размещения и обеспечения питания личного состава казачьих частей.

«До прибытия и размещения по пунктам стоянок, а равно и первые несколько дней по прибытии, – говорилось в договоре, – части обеспечиваются, где это возможно, горячей пищей и кипятком, а где невозможно, там сразу становятся на собственное артельное довольствие... Довольствие производится по обыкновенным кормовым окладам и по нормам продовольственного пайка, установленного для болгарских войск... Довольствие части ведут собственным попечением, получая авансы в месячном размере и

Болгарская монета 1923 года выпуска.

производя закупки провианта».

31 мая 1921 года в городе Бургас в церкви святых Кирилла и Мефодия был отслужен молебен для русского воинства. Это было глубоко символично. Ведь церковь в честь этих святых была и в хуторе Сорочкине покинутой казаками станицы Гундоровской. После молебна генерал Гусельщиков произнёс краткую речь благодарности болгарскому народу за гостеприимство, оказанное представителям русского народа:

«Мы долго скитались по чужим землям и теперь прибыли к родным по крови и вере славянам. В лице начальника гарнизона и губернатора я от лица прибывших низко кланяюсь болгарскому народу! За его славу, благоденствие и процветание крикнем громкое «Ура!».

Протяжное «Ура!» из двух тысяч казачьих глоток понеслось по площадям и улицам Бургаса. За этим болгарским городом были разбиты летние пехотные лагеря. В них и поселили донских казаков, поставив их на довольствие по нормам болгарской армии.

18 июня 1921 года в распоряжение Донского Гундоровского георгиевского полка прибыли «братушки», представители болгарской армии. Гундоровцы

украсили свои палатки цветами и приветственными лозунгами на болгарском языке. В этот день было сказано много хороших речей со словами благодарности. Смысл их сводился к тому, что как болгары не забывали русских за освобождение 1878 года, так и русские никогда не забудут своих братьев-славян за их добрые дела.

На момент прибытия Гундоровского полка на территорию Болгарии больше двух тысяч человек оказались в его списочном составе. К этому количеству прибавилось примерно пятьсот гражданских беженцев. Жёны, родители, дети и даже тёщи казаков. Полк хоть и продолжал называться Гундоровским, но в нём было много казаков других станиц Области войска Донского и даже офицеров пехотных частей, посчитавших нужным для себя влиться в трудную годину в надёжную воинскую часть.

В начале лета 1921 года в наименовании полка появилось ещё одно определение – «рабочий». Этому не все были рады, но сотни стали именоваться рабочими группами и партиями. Для них были предоставлены места для работ государственного значения. По-болгарски они назывались державными. Одно из главных слов в жизни человека – работа – на двух славянских языках звучало одинаково. Работать пришлось на добыче угля в шахтах и открытым способом в угольных разрезах, постройке шоссе и железных дорог и даже на выращивании лошадей на пригородном конезаводе. Как раз туда поголовно стремились все казаки, но счастье выпало только одной четвёртой сотне.

Антону Швечикову с его первой сотней предстояло работать на постройке шоссе Видин – София. Его жену Ольгу как самую молодую, по виду здоровую и выносливую приставили кашеварить на всю сотню. Нелёгкое это было дело – при весьма скудном продобеспечении накормить больше сотни мужчин, занимавшихся тяжёлым физическим трудом. Но справилась кубанская казачка!

Часть сотни, авангардная подготовительная команда, шла впереди и рассчитала по расставленным вешкам полотно будущей дороги. Хорошо, когда трасса пролегла по равнине, а были и холмистые, и даже гористые места.

Поговаривали, что с другой стороны строившегося шоссе работал бульдозер с мудрёным иностранным названием «Катерпиллар», однако болгарин с фамилией, звучащей совсем уж на русский манер, Борисов, начальник строительства шоссейной дороги, не стал его перебрасывать и сказал, что русские справятся и сами.

Две другие рабочие команды засыпали песком дорожное корыто и делали откосы и водоотведение. Самая тяжёлая работа была у четвёртой команды, которой досталось замачивание шоссе крупным щебнем. Его брали прямо здесь же из россыпей камня-дикаря. Привозили и со щебнебойки, но этого материала постоянно не хватало, а может, просто мастер-болгарин и продавал его в местных селениях по-тихому, но образовавшиеся проплешины приходилось заделывать самим. На толстый лист металла набрасывали камень, доставленный от подножия горы и что есть силы били по нему полупудовой кувалдой. Каменная мелочь как осколки от снарядов разлеталась вокруг, и шутники тогда кричали:

- Ложись! Обстрел!

Только эти дурачества и напоминали о прошедших войнах. Лихие времена старались как можно быстрее забыть. Да и некогда было вспоминать. Всё время посвящалось работе.

Старая кобыла перетаскивала лист металла на новое место. Животное уводило за поворот, а щебнекоманда, названная артбатареей, продолжала работать. И снова слышались весёлые команды и смех. Получалось настолько хорошо, что начальник строительства — болгарин Борисов — стал в конце рабочей недели поощрять казаков и привозить им баранину для сотенного котла. Так что по субботам стряпуха Ольга Швечикова готовила знатный шулюм, не расхваливать который было нельзя. Даже сам Борисов присоединился к общей казачьей трапезе.

Болгары из селений, куда доходило шоссе, часто приходили посмотреть на то, как работают русские казаки и переговаривались между собой:

— Не можна така работа!

— От така работа само сундук и гробище!

Казаки из сотни Антона Швечикова и без перевода всё понимали, но роптать было нельзя. Дали работу, значит, будет и еда, и даже приличная форменная одежда. Двести левов стоили форменные штаны с лампасами, и на них приходилось работать целую неделю, ведь за каждый день шоссейной работы им закрывали наряды по 25-35 левов. Тех самых болгарских денег, к которым казаки быстро привыкли. Хорошо, когда монеты звенят в кармане!

После шоссейной работы большая часть полка переместилась на шахты «Гладно-Поле» и «Царёва-круша». Работали по четыре человека в каждой группе, и им предоставлялась возможность вывезти в течение рабочего дня произвольное количество вагонеток. Нужно было набить, нагрузить, отвезти и высыпать под откос пустую породу. Каждая отвезённая вагонетка расценивалась в три лева. Дневной заработок составлял до шестидесяти левов на каждого работника. В то же время как болгарские подёнщики — «надничары», работавшие на шахтном дворе, получали всего по тридцать левов в день. Тут же образовались очаги зависти, но уже международной. Правда, до стычек не доходило.

Возле болгарских шахт гундоровцы жили в большом бараке. Они сами отремонтировали предоставленную болгарскими развалину и сделали её пригодной для жилья. Семейные даже умудрились отгородить крошечные клетушки и называть их кибитками. В одной из них стал жить Антон Швечиков с молодой супругой Ольгой. Счастье было совсем не передаваемое словами! Но, правда, и зависть подстерегала, теперь уже среди своих земляков. Как же! Молодой и красивый есаул, полный сил, хоть и не раз раненый, но не увечный, а рядом с ним ещё и красивая жена, на которую все окружающие мужчины поголовно заглядывались. Антона это сильно злило и смущало, но он понимал, что по-другому быть не может.

О тяжёлой работе и беспросветном существовании в чужой стране писали в появившихся эмигрантских газетах.

ных жилах гнездятся летом восемьдесят, а зимой — 300-400 рабочих. А в «миру» это офицеры, казаки, солдаты. Настроение у работающих спокойное. Верим, что Господь пошлёт нам светлую радость возвращения на Родину!».

Свой второй год на чужбине — одна тысяча девятьсот двадцать второй — гундоровцы встречали с очень большими надеждами. О настроениях, которые царили в среде казачьего руководства накануне новолетия, лучше всего говорило поздравление однополчан их командиром генералом Гусельщиковым:

«Дорогие гундоровцы! Родные! Поздравляю вас с праздником Рождества Христова!»

Второй год мы встречаем этот великий праздник на чужбине. Со скорбью и тяжёлой думой о доме, о родной станции, о своей семье. В прошлом году

испекли пасху пополам с макухой, посвятили у попа, из-под полы принесли домой и стали разговляться. Отрезали по кусочку пасхи. Поели, заплакали и встали. Нечем было больше разговляться».

Или другое письмо:

«Дорогой сыночек! Ты пишешь, что ты разговлялся хорошо, а мы разговлялись так: в одной руке — ложка с борщом постным, а другой рукой слёзы утирали».

Причина голодовки кроется не только в недороде хлеба. Ведь голодают даже те местности, где был собран хороший урожай, но весь он был забран развёрсткой. Вот в этой-то развёрстке и кроется главная причина голода. Страшась этой развёрстки, каждый, естественно, стремится засеять как можно меньше, только для себя. Приходит осень, и всё засеянное «для себя» также забирают под гребло и оставляют на каждую душу только по фунту».

У казаков было сильное стремление приблизить к себе всё то, что относилось к воспоминаниям о своей прежней жизни на родном Северском Донце. Село Извор, в котором квартировала вторая сотня полка, они переделали на свой манер в хутор Изварин, а болгарское Орехово очень было близко по звучанию выходцам из хутора Орехова той же Гундоровской станции. Уроженцы хутора Швечикова тоже нашли на карте Болгарии село с почти таким же названием — Свешково — и давно узнали, что «свещ» по-болгарски — «светильник». Да вот незадача, в далекой глуши был этот населённый пункт, и главное, никакой работы в нём не было. А как она была нужна каждому! Особенно во время зимней бескормицы!

Прошёл ещё один год, и 6 апреля 1923 года генерал Гусельщиков поздравил станичников с очередным праздником Святой Пасхи:

«Христос Воскресе!»

Честные труженики, боевые соратники, гундоровцы!

Слышите ли вы радостный звон колоколов по станицам Тихого Дона? По письмам, получаемым из России, волнения — во всех местах. Из Москвы прямо пишут, что воевать будем вместе. Может быть, Пасха 1923 года — последняя Пасха в изгнании. Вы помните, как в 1918 году в пасхальную ночь мы изгнали красного зверя?

Так и в этот раз в пасхальную ночь 1923 года загудят колокола во всех станицах Дона и отгонят дьявольское красное наваждение. «Христос Воскресе из мёртвых!» — со слезами на глазах поют эту песню наши родные. Воскреснет и Дон, а с ним — и Русь святая! Верьте, надейтесь, что это обязательно наступит!».

Надежды казаков не казались напрасными, хотя в жизни получилось совсем по-другому.

Сергей Сполох,

член Союза писателей России

Примечание: Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

Улица в болгарском городе Бургас.

Болгарский дом.

В одной из них Антон Швечиков прочитал:

«Русские офицеры, казаки и солдаты, шесть лет дравившиеся с врагами русского народа, — теперь рабочие — «рудничары». Пройдёшь два километра, видишь живые существа. Знакомые лица, с которыми пришлось перенести столько страданий на своей и чужой земле. Это забойщики. Со всех сторон, дымя среди тяжёлой густой мглы, слабо и тускло, как будто с усилием, горят карбидные лампы. В сизом тумане движутся фигуры молча работающих или пробирающихся между стойками рабочих. Это «маневристы», потом «коняры» и «маказы». Труд в забоях не прекращается ни на минуту. Каждый забой обрабатывает три сменных артели, работающих по восемь часов. Всего в руднике «Гладно-Поле» в подземель-

мы этот день встречали в Чилингире. Год прошёл. Ничего, кажется, не изменилось. Как мы были, так и остаёмся на чужбине. Но в этом году мы встречаем Рождество Христово в лучших материальных условиях и продвинулись вперёд. Верьте, что этот шаг вперёд приблизит нас к возвращению на Родину. Верьте и надейтесь, что этот день в следующем году мы будем встречать на родной земле!».

И все изгнанники стремились не потерять веру, светлое и неистребимое чувство, которое оставалось у них в душах. С далёкого-предалёкого Северского Донца приходили письма.

Казаки плакали, когда слушали, как их родственники встречали великий праздник Пасхи весной 1922 года:

«Даже на Пасху, в этот великий день, когда раньше в каждом доме столы ломились от яств, в этом году

